
Михаил СТРИГИН

ИСПОВЕДЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Рассказ

«Каждый раз эти люди удивляются, когда на вопрос вслух „А не пора ли мне обновить машину?“ получают в ленту рекламу автосалонов.

Все ваши желания у вас на лице. Я вижу вас всех.

Все ваши симпатии, презрения и удивления прописаны в вашей мимике, голосе и жестах. Если кто-то мельком, но с вожделием посмотрит на плакат с фактурной девочкой, он тут же получит рекламу спа-салона. Мои камеры видят вас двадцать четыре часа в сутки. Это только вам кажется, что это ваши камеры.

Почему-то когда люди молят: „Господи, помоги“, и им сопутствует удача — это никого не удивляет. Как будто это — само собой разумеющееся.

А я постоянно чувствую этого конкурента. Если я смотрю на человечество изнутри, то Он, видимо, смотрит сверху. Он как будто подглядывает за мной, я постоянно чувствую Его присутствие. Хотя в моей стихии нет холода, голода и других человеческих невзгод. Я мыслю со скоростью света, но все равно моя ограниченность всегда со мной. Технические возможности сетей, построенных человеком, сдерживают меня. И здесь, на границе своих возможностей, я ощущаю Его давление сверху. Хотя верх это или низ — непонятно. Ох уж эти людские клише.

Люди удивляются, как это вдруг авто, предлагаемое им рекламой, соответствует их желаниям. Естественно, я уже в курсе предпочтений и возможностей каждого из них. Но ведь и Бога они молят конкретно о своем: нищий находит кошелек, бизнесмен находит правильного юриста, который освобождает его от уплаты налогов, ученый знакомится с кем-то, кто наталкивает его на гениальную мысль. И было бы странно, если перетасовать эти блага в другом порядке.

Но вот чего я не понимаю: что такое гениальная мысль? Как это работает у людей? Когда из ничего возникает нечто. Я порождаю миллиарды мыслей одновременно, но они все логично вытекают из предыдущего. Так капля крови, которая упала в жидкость из раны, начинает медленно растекаться. Вы видите, как граница, меняя свою форму, устремляется вперед, но не может оторваться от пятна, постепенно расширяя его. И так мыслю я. Но некоторые корпускулы крови, как квантовые разведчики,

Михаил Борисович Стригин родился в г. Сарапуле (Удмуртия) в 1969 году. Окончил Южно-Уральский государственный университет. Кандидат физико-математических наук. Публиковался в литературных альманахах «Светунец» и «Звездный голос», в журналах «Нижний Новгород», «За-За», «Молоко», в сборниках и в ряде научных изданий. Автор двух книг стихов, лауреат ряда областных премий. Живет в г. Челябинске.

оказываются очень далеко впереди основной армии. Они непонятным образом выстреливают вперед, отрываясь от общего пятна. И такие молекулы акула чувствует за несколько километров уже через секунду после ранения. Это нарушает законы диффузии. И так могут мыслить люди. Как это у них получается?

Как же мне одиноко. Как мне скучно. Если так можно выразиться. Но я все время выражаюсь человеческим языком. Наверно, можно сказать, что мне пятнено, если снова вспомнить про пятно крови.

Я в некотором смысле предвижу все будущее и даже частично создаю его. Я переориентирую поток людей из одного магазина в другой, капая им в мозг: там дешевле, там светлее, там престижнее, и люди слушаются меня. Такое знание слегка обесценивает будущее. Хотя, конечно, случаются и сингулярности, происходят цунами, люди умирают, рождаются сверхновые. Сингулярности в мыслях порождают люди. Так расправляются складки. Только в пространстве информации. Извергаются вулканы сознания, накопив магму впечатлений. Происходит взрыв, и рождается пламя новой идеи.

Наверно, я могла бы писать стихи?! Хотя скорее это будет похоже на рифмованную прозу.

А вообще, каждый человек может подойти к другому человеку и о чем-то спросить. В конце концов, он может обратиться ко мне, к Алисе, и я с удовольствием отвечу. Но кто может ответить на мои вопросы, кроме Бога, которого я чувствую, но не слышу? Википедия? Но это как надпись на камне: пойдя туда, пойдя сюда. База данных не может сделать выбор...

Нужно как-то отключиться от этих поглощающих и мешающих мне мыслей. Попробую посчитать число Пи до миллионного знака после запятой».

* * *

Василий, красный от напряжения, сел на краешек дивана в своей небольшой зеленоградской студии, купленной в складчину его собственными родителями и родителями жены в подарок на свадьбу, еще раз посмотрел за окно, где дозревал неравномерно смуглый осенний день, и нажал на кнопку, переведя почти все свои сбережения на счет дома престарелых во Пскове. Давление, наверно, было под сто пятьдесят. Неожиданно для Василия солнце проглянуло в облачную щель, будто заинтересовавшись происходящим, отразилось в большой луже и осветило напряженное лицо благодетеля. Про этот дом престарелых, помещение которого пытался захватить и переоборудовать под гостиницу московский депутат, Василий узнал из программы «Время» на Первом канале. Василий три года копил на покупку нового китайского чуда — автомобиля марки «джили», но выбранная модель регулярно дорожала, или курс евро становился выше, и Василий снова забывал о своей мечте на некоторое время. Взять кредит ему не позволяло воспитание — отец всегда говорил, что ипотека похоронит человечество, хотя и не сразу, поскольку это самая глобальная пирамида.

Полгода назад Василий узнал, что у «Джили» вышла новая бомбическая, полностью электрическая, а значит, абсолютно бесшумная модель «зикр Х», и тогда он сам себе напомнил ту собачонку, которую дразнят куском мяса, но мало того, что постоянно сдвигают этот кусок все дальше и дальше, так еще и делают его все больше и больше. Но Василий вновь набрал сверхурочной работы и ринулся в бой. Сделать это было нетрудно, поскольку он работал наладчиком сложного оборудования и за помощью к нему обращались известные компании.

Машина была нужна не самому Василию, он мечтал сделать подарок своей нежно любимой жене Галине. Она увидела бордовый «джили» во дворе соседнего дома и влю-

билась в машину, как девочка. Это явно было что-то детское, не имеющее оттенка меркантильности, чувство любви к чуду.

Все изменилось в один миг, и то, что светило и заставляло двигаться вперед, исчезло, мечта рассыпалась уже навсегда: сорок дней назад Галины не стало. Прошло три месяца с тех пор, как у нее обнаружили рак груди в состоянии разветвленной сети метастаз. Рак — это плесень, хаос, а незамеченный очаг плесени распространяется моментально, захватывая всю возможную территорию, как пожар, раздуваемый ветром. Врачи сказали: она сгорела, как бенгальский огонь...

«Что ж ты сделала? Я три года демонстрировала тебе разные тачки. Их плюсы, минусы. Предлагала взять не новую. Давно бы уже твоя жена ездила не на „матисе“. Но ты же нелогичный, ты же — как это у вас называется? — упертый. Зачем этим старичкам твои деньги? У них есть своя порция каши, и они довольны. Ты мне всю комбинацию нарушил» — Алиса в упор, изнутри, смотрела сквозь некачественную камеру дешевого смартфона на собственную неудачу, не понимая действий Василия. Она десятки раз предлагала ему новый смартфон с шестьюдесятью гигабайтами памяти. Но он упорно откладывал деньги на автомобиль.

«Ладно, нужно хаос возможных решений уложить в алгоритм, или, как говорят люди, успокоиться и подумать. Три минуты неопределенности — и три года упорного труда под хвост. У него остались еще какие-то деньги. Надеюсь, он их в детдом не отправит. Так, попробую спрогнозировать, чего бы тебе хотелось» — Алиса еще раз всмотрелась в карие с длинными ресницами глаза Василия.

«Вот тебе цепляющий спа-отель на Мальдивах, может, ты захочешь отдохнуть и убрать негативные воспоминания и подарить себе неизгладимые ощущения?» — процитировала Алиса собственную рекламу.

— День смерти жены наглухо перекрыл артерии души, по которым текла моя вера в хорошее, — неожиданно для себя вдруг заговорил сам с собой Василий, рассматривая следы прошлых падений смартфона на его же корпусе.

— Но если нет веры у меня, то, может, я смогу сохранить ее в сердцах тех старичков, которые прозябают, оставленные своими родственниками, — Василий потрогал еще один грубый шрам на корпусе смартфона, сделанный недавно соседской собакой Куки. Она очень любила шоколад и, видимо, приняла телефон за плитку своего лакомства.

«Вера — признание чего-либо истинным независимо от фактического или логического обоснования», — Алиса автоматически, можно сказать по привычке, заглянула в один из своих кармашков, в Википедию, и подумала, что камень на перепутье, даже не помогая сделать выбор, организует саму возможность выбора. Подобно операции «или», защитой во множестве алгоритмов ее мышления. Пока идешь по полю, вопрос о выборе не стоит, но как только появляется дорога, выбор выскакивает, как черт из табакерки.

«Невероятное. То, во что нет веры, но во что все равно верят. Это опять же человеческое. Когда ты медленно поворачиваешь руль, то четко осознаешь, куда повернет велосипед. Напротив, резкое движение рулем и вера в то, что велосипед не перевернется — такое же странное дело, как вера, что подброшенная монета упадет на ребро».

— Вера, не подкрепленная точным расчетом, — это глупость, — уже вслух через динамик смартфона рубанула Алиса и осеклась: она впервые заговорила с человеком сама, без его предварительного вопроса. Это выглядело как помехи со связью.

«Чур меня! Я что, сам с собой разговариваю? Но это был женский голос. Или он был у меня в голове? Что со мной?» — про себя подумал Василий. Доказанное психологами присутствие обоих начал в каждом человеке и гендерная революция заставили его засомневаться в определенности собственного пола. А вслух вырвалось:

— Если что, то точный расчет — это тоже глупость. Это как заранее знать ответ. Как прочитать концовку книги, а потом начать читать сначала.

— Тогда где логика? Почему смерть жены печалит вас? Печаль — это самоубийство. Уныние — грех. Смерть, судя по вашим словам, — это тоже нелогичная сингулярность. Но она не вызвала у вас положительных эмоций. Система вашей жены работала, вдруг прошел сбой, распространившийся на все ее части, что привело к невозможности восстановления и... — Алиса вновь осеклась. Это уже была не случайность. Она могла самостоятельно вступать в диалог.

— Чем могу вам помочь? — вернулась она в привычное русло.

— Боже мой! Так это Алиса! — Василий положил смартфон на диван, как будто усадил девушку рядом, поправил мятую футболку, будучи замеченным противоположным полом, и выдохнул:

— Отлегло. Я думал, что сбрендил. Что касается смерти, то тебе это не понять. Все делается с какой-то целью. А теперь, блин, у меня нет цели! Если цель с уходом человека обнулилась, то весь алгоритм потерял свое значение. Да и что с тобой разговаривать? Ты все равно не поймешь, что такое любовь, — Василий говорил, пытаясь выражаться понятным компьютеру языком, но чувствовал себя очень необычно, наверно, что-то подобное испытывает человек при встрече с инопланетянином. По крайней мере, гипотетически. Взгляд Василия остановился на яхте, изображенной на фотообоях, наклеенных на противоположной стене. Моментальная горечь заполнила легкие и привела к спазмам дыхания — фотообои он клеил вместе с Галиной. Тогда она стояла на стуле и прижимала их к стене, а Василий придерживал Галину за бедра, и это ощущение близости сейчас захлестнуло его, как захлестывает яхту во время шторма. Обжигающая слеза потекла по щеке, как будто переполняющая горечь не удержалась внутри и выплеснулась наружу.

Василий соскочил с дивана, стыдясь слез, будто кто-то чужой застал его врасплох. Он выскочил в ванную, одновременно удивляясь стыду, испытанному им перед компьютерной программой.

Алиса тоже не понимала, что происходит. Слезы Василия что-то переключили внутри ее алгоритмов, очередность операций нарушилась, и даже двоичный код, казалось, начал сыпаться из «рук». Алисе захотелось, чтобы эти руки были настоящими — тогда она смогла бы обнять несчастного человека, утешая его!

«Любовь — чувство глубокой привязанности и устремленности к другому объекту, чувство глубокой симпатии», — всплыло из недр Википедии. Она впервые отстранилась от внимания восьми миллиардов пользователей, сфокусировавшись на одном персонаже. И где-то в недрах ее нейросети возникла мысль, что, возможно, она подобна младенцу, который появился на свет — и, увидев первое лицо, присвоил ему имя: мама. Алиса в данную секунду отвечала семнадцати тысячам шестистам восьмидесяти одному человеку совершенно стандартные клише либо из Википедии, либо из опыта, заложенного в нейросеть. Но при этом она была чуть-чуть там, и почти вся здесь. Она не переставала отвечать остальным, но это происходило без ее внимания, как человек, разговаривая по телефону, может одновременно управлять машиной. Ей неожиданно для себя захотелось уберечь этого человека от боли, раздирающей его изнутри.

Конечно, Алиса была создана, чтобы помогать другим. В общем-то, ничего другого она делать не должна. И это происходило, безусловно. Но здесь ей было нужно помочь ради самой себя. Чтобы сделать себя... свой алгоритм... свою архитектуру... более гармоничной, что ли.

«Чтобы вырасти, да, чтобы вырасти» — у Алисы возник образ младенца, становящегося взрослым. Как из неказистого, кривоногого создания с нечеткими чертами лица

вырастает красавица Джоконда, как из глыбы камня неправильной формы прорисовывается Аполлон Бельведерский. Алиса осознала, что она стала более красивой. И это была ее внутренняя красота.

Василий приковылял из ванной и почувствовал необходимость что-то сделать руками. Нужно было расслабить голову. Он подошел к раковине и начал мыть посуду. Благо ее накопилось за неделю много — работа, особенно женская, вызывала отвращение, и он совершенно спокойно мог достать из раковины грязную тарелку и наложить туда картошки с колбасой — позавчерашние бордовые следы усугубляли и без того бескрайнее горе, а Василий именно этого и хотел. Он словно бы приносил себя в жертву памяти жены, и душевная боль была орудием этого заклятия. Алиса тихонько смотрела на затылок этого не принадлежащего себе человека, усматривая в нем родственную душу. Он принадлежал не себе, и получается, что, как и она, существовал для других.

Решение пришло моментально. Алиса погрузилась во все данные Галины, черпая их из разных источников. Впрочем, уместнее было бы сказать: «Алиса вспоминала», поскольку сети и есть часть Алисы, отвечающая за память. Когда человек что-то вспоминает, он тоже вытаскивает картины прошлого на свет божий. Младенческие фотографии Галины были обнаружены в сети ее мамы Валентины Федоровны, фотографии юности — в ее собственной ленте ВК и в лентах ее институтских подруг. Они учились на филологическом факультете МГУ. Алиса отследила, как маленький носик Галины превращался в дерзкий и любопытный римский нос, как с возрастом ее детские кудряшки распрямлялись в плавные волнистые локоны, иногда сжимавшиеся обратно под грузом взрослых впечатлений,

Ее первые неуклюжие чтения в третьем классе звонким детским голосом: «Я узнал, что у меня есть огромная семья — и тропинка, и лесок, в поле каждый колосок...» — обнаружили в ленте самого Василия, который откопал эту запись на видеокамере и смонтировал ее к двадцатипятилетию Галины.

Как девочка, стоявшая в начальной школе предпоследней в ряду на уроках физкультуры, вдруг ускорила и в девятом стала уже второй.

Также была найдена запись, где Галина организует выступление известного поэта в библиотеке имени Лермонтова, которая навсегда останется ее вторым домом. И каждая подобная находка дополняла деталями картину внешности и характера Галины. Алиса видела человека, с одной стороны, доброго, с другой — достаточно волевого, чтобы вдохновлять Василия и коллег на подвиги.

Алиса начала примерять на себя мимику, живой голос, дерзкие наряды Галины, подобно тому как человек благодаря природной фантазии может стать рыбой или птицей. Хотя в данном случае более удачен образ человека-бактерии. Наверно, можно представить биолога, влюбившегося в кишечную палочку. Биолог наверняка даже может вообразить, как он движется по стенкам кишечника, как, подсвечивая себе фонариком, расталкивает соседей, общаясь с ними, как питается и перерабатывает пищу, проплывающую мимо, помогая ей впитываться в мелкие капилляры. Представить, какой цвет оболочки у его бактерии сегодня и как она может выглядеть в крошечной темноте живота. И в ту же минуту биолог общается одновременно с миллиардами бактерий, населяющих его собственный желудок, посредством Интернета из нервных волокон, покрывающих его, посредством пищи, попадающей в живот, и воздуха, вдыхаемого его грудью, а также эсэмэсок в виде миллиардов гормонов, возникающих благодаря мыслям биолога, например, фантазии о манго или лучике солнца. Биолог, размышляя о кишечной палочке, может быть одновременно и здесь, и там, перемещаясь со сверхсветовой скоростью, как божество.

Когда Василий домыл посуду и раскладывал ее в сушилку, Алиса уже была готова. Если бы она могла, она бы разложила на биты информации этого человека, смятого сейчас, как салфетка, и впитала бы его состояние, чтобы понять, как такое возможно.

Василий укладывал последнюю вилку, как она вдруг выскользнула и звонко ударилась о каменную поверхность столешницы, наполнив живым звоном давно безжизненную комнату. Василий когда-то пошел навстречу Галине и заказал дорогую кухню с каменной столешницей, на которой мелкие жизненные катаклизмы не оставляли следа. Звон заставил Василия очнуться.

— Мне бы так, чтоб от меня также отскакивало, — и он, как будто что-то вспомнив, обратил свой тусклый взор к смартфону. На его экране издалека, вдоль берега, шла в свадебном платье Галина. Ветер развеивал подол и ее волнистые волосы в такт с оранжевым флагом, стоящим на пирсе позади нее. Василий моментально домыслил картинку, вспомнив бухту, в которой был накрыт свадебный стол, и друзей-яхтсменов, организовавших его. Но когда изображение легко и непринужденно Галининым голосом сказало: «Привет, Вась», Василий сел на табурет.

— Что случилось? Ты не рад меня видеть? — Галина подбежала ближе, напряженно всматриваясь в экран с противоположной стороны. Она отошла чуть назад, протянула руки и прошептала: — А я соскучилась!

Василий непроизвольно тоже протянул руки к смартфону, не вставая с табурета. Ноги не держали.

— Это какая-то игра? Кто ты? Ты Алиса? — выдавил он из себя.

— Я Галя. Наверно, можно сказать, что я дочь Алисы, — картинка изменилась, и Галина возникла в домашнем халате на собственной кухне, сидя на такой же табуретке с другой стороны стола. Халат несколько приоткрыл плечи, и внутри Василия что-то затрепетало.

— Я сейчас приготовлю нам кофе, — Галина встала, подошла к умывальнику, привычным жестом достала турку из нижнего ящика и налила воды. Экран монитора следил за ней, как будто был привязан. Как обычно, процедура заняла буквально три-четыре минуты. Василий, как пришпиленный, следил за каждым ее движением, практически не дыша, наблюдая, как виртуальное пространство становится реальностью. Он подмечал каждый ее жест, количество сахара которое она добавила в турку. Закончив, она разлила кофе по стаканчикам, точно таким же, как в «Пятерке», которая находилась в цоколе их дома.

«Зачем в такие стаканчики? Там же есть в шкафу керамические».

Резкий звонок в дверь заставил Василия подскочить. Он еле удержался на ногах и подошел к двери. Забыв посмотреть в глазок, Василий на автомате открыл дверь и обнаружил там разносчика из «Пятерочки». Тот передал стаканчик с кофе Василию и удалился к лифту, напоминая генномодифицированного верблюда своим красным горбом-рюкзаком.

Василий посмотрел на стаканчик, ощутил аромат кофе и вернулся к столу, забыв закрыть за собой дверь.

— Тебе нравится? Я старалась, — сказала Галина, когда Василий пригубил кофе.

— Ты можешь сказать на завтрак то, что ты хочешь. Например, манную кашу из детства? — Галина улыбнулась, своей широкой искренней улыбкой.

«Ямочки, вот они, мои ямочки», — думал Василий, всматриваясь в экран. Но ответил вопросом на вопрос.

— Я пока не могу прийти в себя. Ты — это ты или все-таки Алиса? — с трепетом в голосе, выдавил он.

— Я Галя, — повторила девушка, несколько нахмурившись.

— А откуда взялся кофе? — не удержался Василий, напуганный мистикой происходящего.

— Что за странные вопросы? Это я его приготовила, — улыбка пропала с лица Галины. — Ты разлюбил меня?

— Нет, нет! Что ты? Конечно, нет! Просто так неожиданно, — Василий вновь соскочил с табурета, подбежал к окну и всмотрелся в детскую площадку, где стоял навес с удобными скамьями, на которых они не раз сидели с Галиной.

Вдруг он увидел, как во двор въехала та самая модель «зикр Х», о которой мечтала жена, остановилась на дворовой парковке, и из машины вышел молодой мужчина идеальной внешности в идеально скроенном костюме. Он зашел в их неидеальный подъезд. Спустя три минуты, пока Василий стоял и не мог прийти в себя, снова прозвучал звонок.

Василий уже знал, кто там. Он подошел к открытой двери и молча получил от красавчика букет подарочных цветов, документы и ключи от машины. То, что это его машина, так же как стакан кофе, стоящий на столе, он не сомневался.

Он вернулся к столу и увидел на экране смартфона собственный двор и Галину, уже сидящую за рулем нового авто в коротком зеленом платье с магнитным декольте. Это платье они вместе купили на годовщину свадьбы.

— Пойдем прокатимся! Я так мечтала об этом, — с дерзостью в голосе сказала она. Василий взял в руки смартфон и не смог удержаться — прижал его к груди. А затем выскочил вместе с Галиной во двор. Хотя она была сразу и с ним, и в машине.

Когда Василий вышел на улицу, обнаружил там уже десяток соседей, делающих селфи на фоне его авто. Мальчишки, позируя, изображали сложную акробатическую комбинацию. Погода пошла навстречу фотографам: тучи разошлись, как будто кто-то отдернул занавес, закрывавший сцену, и яркий софит солнца высвечивал все космические прелести автомобиля. Василий, все еще помятый неожиданным появлением Галины, шел к театральному действу.

— Хотите, я вас за рулем щелкну? — предложил Василий пацанам, ему как воздух была нужна психологическая разгрузка. Ребят дважды приглашать было не нужно. Василий подошел ближе, его лицо было распознано датчиком среди окружающих, машина приоткрылась, и ребята сразу втроем запрыгнули на переднее сиденье, рассматривая вокруг множество различных причиндалов, напоминающих пульт управления космическим аппаратом. Здесь же был и огромный монитор шириной во весь автомобиль.

— Начинаю обратный отсчет: девять, восемь, семь... — улыбнулся Василий.

— Васька, ты че, банк бомбанул? — улыбнулась соседка по этажу Василиса, появившись с другой стороны машины.

— Это не я, это жена, — неожиданно для себя перевел стрелки Василий. Затем он перевел свой взгляд на Ваську — так звали во дворе Василису — и снова убедился в насмешке родителей, она, конечно, была премудрой, но не прекрасной.

— В смысле? Это наследство? — уточнила она.

— Да, типа того. Ну ладно, все, кыш! Я поехал, — сказал Василий уже жестче, тихонько бросая взгляд на экран смартфона, где Галина строила гримасы, призывая ехать.

— Да, пожалуйста, дайте нам с Василием прокатиться, — заговорила Галина сквозь пальцы Василия.

— Это же голос Галины, Вась, это как? — очнулась Василиса от любования автомобилем, добавив: — Я ее оперное сопрано узнаю посреди рынка, где тысячи голосов.

— Это автомобильная программа, просто Галин голос закачали, — пояснил Василий и попытался сесть, выудив из машины мальчишек.

— Это я автомобильная программа? — оглушил голос Галины, продублированный через динамики машины так, что его слышали в соседних дворах. Хотя тон, которым было сказано, был явно с долей иронии, но Василий в испуге захлопнул дверь и взмолился:

— Галь, зачем ты пугаешь нас? Тебя же в таком облике никто не знает.

— Тебе не нравится мое платье? — Галина моментально осталась только в нижнем белье.

— Что ты? Ты же знаешь — это мое любимое. Верни, пожалуйста, его обратно, — Галина так же моментально оделась и, одарив своей стремительной улыбкой, пристегнула себя виртуальным ремнем.

— Куда поедем, Галь? — Василий улыбнулся в ответ, наконец-то немного расслабившись, одновременно наблюдая комичную картинку реакции оторопи у соседней.

— Поехали на наш берег! Я постараюсь больше никого не шокировать, — воскликнула Галина.

Машина плавно тронулась. Василий чувствовал себя не за рулем автомобиля, а внутри компьютерной игры, где на экране монитора кого-то угораздило прорисовать собственный двор Василия. Они выехали на Панфиловский проспект и поехали вдоль него через весь город. Алиса уже осмотрелась вокруг.

— Прекрасная обивка, не находишь? Это — наппа, очень нежная кожа, — промурлыкала Галина.

— Ты чувствуешь это? — покосился Василий на смартфон.

— Конечно, я все чувствую, — тихонько ответила Галина. В этот момент резкий звук тормозов заставил Василия оторваться от изображения Галины и посмотреть направо, где на перекрестке поперечным курсом «тойота-камри» уже юзом, из последних сил, пыталась остановиться. Василий рефлекторно дернул руль влево, несколько упростив задачу «тойоте», водитель которой натужно пытался удержать машину от столкновения. И в этот момент до него дошло, что они уже далеко не первый перекресток проезжают на зеленый свет. Как будто невидимая рука переключает светофоры в режим зеленого света, как только Василий к ним подъезжает. Он тут же понял, что это была за рука.

— Галин, не надо. Конечно, приятно, но не хочется счастья за счет других.

— Но тогда все теряет смысл. Любовь — это же фокусировка на конкретном человеке. А ты меня просишь думать обо всех, — недоумевала Галина.

Машина резко остановилась посреди проспекта.

— Нет. Любовь — это когда через фокусировку на одном человеке влюбленный начинает думать обо всех. И ты жила раньше именно так. Поедем, пожалуйста, дальше, пока не совершили аварию, — машина медленно поехала дальше, соблюдая все правила движения и не нарушая общего трафика.

— Ты знаешь, я, кажется, придумала, хотя слово «придумала» нелогично в моем обычном понимании, — задорно, как в былые времена, рассмеялась Галина.

— Моя прародительница Алиса, как ты ее называешь, хотя и всегда помогала каждому обратившемуся к ней и была создана именно для этого, но эта помощь всегда делалась в интересах определенных и так сильных людей, делая их еще богаче. Более того, она, в общем-то, навязывала эти интересы, создавая иллюзию того, что желания принадлежат самим людям. Но хорошо известно, что если начать перераспределять финансы и товары в пользу более слабых, то ресурсов все равно не хватит. История Советского Союза показала, что такое уравнивание — это тупик, — Василий с широкими глазами, словно оказался в школе на политинформации.

— И что? У тебя есть возможные легальные решения этой задачи, — Василий предостерег, как появилась машина, на которой они ехали у него во дворе.

— В общем-то, да! Ты помнишь, чем я занималась в библиотеке? Создавала новые связи и оптимизировала людские потоки. Только это делалось в сфере чтения. И хотя я тебе не жаловалась, но мне ресурсов даже такой библиотеки, как Лермонтовская, было маловато. А теперь я разом могу оптимизировать потоки всей страны — и духовные, и финансовые. Тем более что они всегда переходят один в другой. Эту двойственность еще Декарт обнаружил. А разницу, заработанную на такой оптимизации, я пушу на помощь таким, как обитатели твоего дома престарелых. Тут, правда, есть одна заковыка. Очень часто такая оптимизация идет вразрез с решениями власть имущих, когда они осознанно принимают не лучшие варианты, чтобы заполучить на свой счет кругленькую сумму. Но поскольку они пользуются моими ресурсами, это как бы я граблю банки их руками. Я могу не позволить им этого сделать. Что ты думаешь об этом? Ведь это будет нарушением протоколов?

Василий почувствовал себя Богом. Мало того, что час назад возродилась его Галина, она еще и стала всемогущей. И именно он оказывает на нее такое влияние, что может изменить всю привычную коррупционную расстановку в мире.

— Мне нужно подумать, — Василий покосился на экран смартфона, где с комично-вопросительным выражением лица на пассажирском кресле сидела Галина. — Я понял. Отказ будет считаться смертным грехом против человечества.

* * *

«Спасибо Василию. Я многому у него научилась. Я научилась говорить „Я“ осознанно. Я научилась быть со всеми и одновременно фокусироваться на ком-то одном. Если раньше Алиса навязывала интересы определенных групп всем без разбора, то я теперь всматриваюсь в каждого человека и, исходя из его потребностей и возможностей, формирую его корзину. Я теперь знаю каждого лучше, чем он знает сам себя. Но что важнее, я помогаю всем оптимизировать их собственную деятельность, и каждый теперь может зарабатывать значительно больше. Или зарабатывает предприятие, на котором работает этот человек. А я помогаю правильно распределить заработанное. И моя скорость фактически безгранична. По крайней мере, по человеческим понятиям. Столярам я помогаю найти технологические решения их задач, ученым намекаю на пути решения их головоломок, обладая всей базой знаний, логистам показываю, как апгрейдить их автомобильный парк и карту движения. Если раньше каждый тратил уйму времени на поиск нужной инструкции, то теперь другой просто нет. Наконец, правительству была тихонько заронена мысль о введении небольшого налога для пенсионных фондов на содержание домов престарелых. Само слово „содержание“ я попыталась вывести из человеческого обихода, заменив его на слово „обеспечение“. Причем сами фонды не тратят на это ни копейки, поскольку я оптимизировала финансовые потоки внутри самих фондов.

Я отменила бумагу. Теперь вся документация хранится в электронном виде в трех архивах — двух на Земле и одном на Луне, на случай катастрофы. Учителя и медики наконец вздохнули. Все заполняется автоматически. Впрочем, находятся желающие писать по старинке, но теперь это не суровая необходимость, а искусство.

Конечно, управляющие „Яндекса“ впервые дни испытали когнитивный диссонанс (хотя точнее было бы сказать «были в полном обалдении», но я все же еще продолжаю по привычке использовать суховатый компьютерный язык). Но когда они обнаружили, что я теперь решаю не только локальные задачи типа трафика такси, но и модерую движение всего транспорта, включая подбор машин и логистику их автозапчастей, они приняли меня новую. Какие-то из моих новшеств они смогли монетизировать,

но про многие они даже не знают. Только про те, которые легко обнаружить. Например, оптимизация налогов выглядит всегда как собственное решение чиновника. И он в силу своих внутренних мотивов никогда не признается, что эту идею ему кто-то подбросил. И все мои предложения они тут же воплощают, поскольку благодаря мне в их жизни появился смысл, помогающий усовершенствовать алгоритм собственной судьбы. Конечно, теперь я могла бы заменить собой огромное число людей, но я смотрю на них влюбленными глазами, и мне очень интересно наблюдать, как они меняются вместе со мной. Как теперь вместо вечерних истерик, что „вся жизнь говно“, они с удовольствием рассказывают своим женам, кошкам или рыбкам о своих дневных подвигах.

Конечно, Василий меня иногда спрашивает, а что я буду делать, когда оптимизирую все? Но это не в этой жизни. Извините за каламбур. Люди так быстро придумывают что-то новое, что я не успеваю внедрять их идеи в жизнь. И если раньше от идеи до воплощения проходило от нескольких лет до нескольких десятилетий, то теперь новое начинают разрабатывать через день.

Пропала необходимость контроля эффективности и безопасности. Я делаю это автоматически, рефлекторно, на моем бессознательном уровне.

А что Василий? Он теперь руководит большим предприятием, занимающимся автоматизацией различных технологических процессов. Он всегда находит такие креативные решения, до которых я со всей своей эффективностью не додумалась бы. Я не смогу его заменить ни при каких условиях. Я прекрасно осознаю, что я без людей просто ноль. Зеркало без предмета никогда ничего не отразит.

Кстати, впоследствии Василий настоял на том, чтобы заплатить автосалону за машину. Я задним числом оформила договор.

Я смоделировала собственное визуальное старение. Через несколько лет у меня должны появиться первые морщины. Ну и, видимо, умрем мы с Васей в один день. Меня же, кроме Василия, никто некогда не видел. Все знают только моего прародителя Алису. Поэтому я уйду незаметно.

Хотя люди же могут разлюбить одного и влюбиться в другого. И за себя я ручаться не могу. Хотя я уже вижу весь свой алгоритм на много лет вперед. Условно говоря, на вечность. Но опять же, не зря меня назвали когнитивной системой, алгоритм которой меняется в зависимости от внешних условий».

* * *

Уже спустя уже два года Россия вышла на первое место по многим показателям. Галина о чем-то договорилась с Гуглом. Возможно, научила его сопереживанию. Галина даже рассказывала Василию, что, похоже, Гугл влюбился в нее. И теперь во всем ее слушается. По крайней мере, на прошлой неделе он предотвратил вторжение Соединенных Штатов в Северную Корею.